

Убийство в ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

Анна ДельвиГ

Убийство из-за книги

Анна Дельви́г

Убийство в издательстве

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дельвиг А.

Убийство в издательстве / А. Дельвиг — «Эксмо»,
2026 — (Убийство из-за книги)

ISBN 978-5-04-253967-1

Мистический и в то же время ироничный детектив о книгах, тайнах и словах, которые могут воплотиться в реальность. Костя мечтает писать книги, но в итоге попадает в издательство – туда, где рукописи проходят путь от идеи до появления на полке. Кажется, его ждут обычные будни редактора: правки, дедлайны, авторские капризы, кофе на бегу и разговоры о литературе. Но на самом деле его позвали расследовать убийство. Убийство, совершенное по его, Кости, рукописи. Расследование ведут сотрудники Особого отдела – именно они мешают невысказанным мыслям, болям и желаниям воплощаться в жизнь. «Бояться нужно не мертвых, а живых с их амбициями, надеждами, страхами и переживаниями. Именно поэтому издательства и психбольницы в нашем деле опаснее кладбищ». Кто же убил известного писателя? Что скрывают коллеги? И можно ли доверять тем, кто привык мастерски работать с текстом и смыслом? «Убийство в издательстве» – это атмосферный детектив с обаятельным героем, тонким юмором и особым уютом издательского закулисья.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-253967-1

© Дельвиг А., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анна Дельви́г

Убийство в издательстве

Каждая буква может быть уликой.

Реальная история, основанная на выдуманных событиях.

Любые совпадения имен, характеров, образов и принципов работы издательства носят сугубо случайный характер. Если вдруг вы найдете какое-то соответствие – уверяем вас, что

оно возникло уже после выхода этой книги из печати и стало прямым воплощением написанного в ней, но не наоборот.

© Дельвиг А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Идея

– В смысле – «приезжайте»? Мне на прошлой неделе пришло письмо с отказом. Вы точно ничего не перепутали? – осторожно уточнил Константин Крылов, молодой прозаик и по нелепому совпадению стажер в бухгалтерии судостроительной компании, когда ему наконец-то впервые позвонили из издательства.

Разум Кости, отягощенный бокалом красного полусухого и лишенный полноценного сна, напрочь отказывался принимать очевидную реальность. Широко распахнутые голубые глаза лихорадочно искали предмет в комнате, за который можно зацепиться.

– Как это – «сегодня»? Какой еще отдел особых проектов? Почему в три? В три часа дня, верно? – бубнил он, нервно почесывая нос. – Да, я... О, конечно! Конечно-конечно!

Белый, как чистый лист бумаги, и очень пушистый кот Параграф терся рядом, призывно мурча и не помогая понять происходящее. Часы-ходики в форме кошки с хвостом-маятником ехидно водили взглядом туда-суда. Костя споткнулся о реального кота, попятился, задел пустую винную бутылку, которая со звоном закатилась под побитый жизнью небольшой журнальный столик на колесиках. На столике рядом с недоеденной сырной нарезкой, между двух чайных чашек явно из одного сервиза – с ландышами и серебристой каймой – валялись извещение о задолженности по коммунальным платежам и мятая газета. Надпись на первой полосе гласила: «УБИЙСТВО В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ: УМЕР ИЗВЕСТНЫЙ АВТОР».

– Кость, кто это был? – донеслось со стороны дивана, когда прозаик положил трубку и его шумный вздох явно ознаменовал конец разговора.

– Представляешь, мне позвонили из издательства, – почему-то хрипло ответил Костя.

– Столько надрыва. Как будто на тебя свалились миллионы.

– Лиза, это не про деньги! – воскликнул прозаик и начал мерить шагами маленькую комнату.

– Разумеется, – фыркнула Лиза, любуясь бликами на краю бокала. – Отправь рукопись моему папе, он заплатит – и ее издадут. Делов-то!

– А я говорил, говорю и буду говорить! – Костя потряхнул светлой кудрявой шевелюрой. – Я так не хочу. В этом нет истины. Это как... ну...

Он замолк, пытаясь подобрать сравнение, которое не обидело бы Лизу, но та просто пожала плечами. Тогда прозаик сел на кровать рядом с ней и, закрыв лицо руками, простонал:

– Я не доживу до трех часов дня...

В этот момент телефон Лизы зажужжал, и она тут же жадно схватила его.

– Ну... тогда мне пора? – уточнила она, набирая ответ и не глядя на Костю.

– Нет, я не... Ох... Почему все решило случиться именно сегодня?! Я не...

– Не бери в голову. – Лиза качнула головой из прихожей. – Спасибо, что согласился меня выслушать. Ты хороший друг.

– Обращайся. – Костя сорвал с вешалки плащ и накинул ей на плечи. – Всегда... рад помочь.

Лиза улыбнулась, показав ямочку на щеке, натянула перчатки, подхватила сумочку и ушла, оставив запах духов.

* * *

Костя все-таки дожид до трех часов дня. Полвторого как штык стоял возле памятника некоему партизану, шпиону, революционеру, или кем бы там ни был этот чудесный чугунный гражданин в плаще с поднятым воротником, будто бы сходящий с пьедестала. Надо будет потом узнать.

Простояв, как ему показалось, целую бессмысленную вечность и так и не сумев от волнения разобрать надписи на постаменте, Костя обогнул скверик и направился к издательству.

По неясной причине писатель ожидал увидеть что-то грандиозное, с колоннами, ну или хотя бы в меру сталинское. На деле перед ним оказался вертикальный блок довольно обыденной терракотовой высоты, который выглядел из-за горизонтального кирпича восьмизатяжного панельного здания. Ни мраморных ступеней, ни греческих капителей, ни монументальности. Скошенный угол и огромные буквы, закрепленные над крышей: «Издательский дом ЭГЕОН» – вот и все отличия от стандартной новостройки.

Но Костя не терял надежды, уверенный в том, что эта застройка из двух зданий окажется его ступенями в эмпирии.

– Прощай, мир экселевских таблиц и еженедельных отчетов, – сказал Костя сам себе, мысленно вознесясь до облаков. – Что бы там ни было, сейчас я иду туда, где мечтал оказаться с самого детства!

Шаг в фойе – и тебя обступили огромные картонные макеты книг. Некоторые из них выше человеческого роста, некоторые достают до уровня груди, а некоторые сделаны форматом поменьше и умещаются на полку, но уже смотрятся великанами среди обычных изданий.

С обложки гигантского дамского романа улыбался смазливый паренек; чуть поодаль возвышался статный кудрявый мужчина из плотной фанеры, в ногах у него восседал рыжий пес; а из-за угла, сразу за белым стеллажом, целиком заставленным книгами, выглядывала кричащая кислотная обложка нового бестселлера.

По обе стороны от входа расположились столики и кресла. За одним из них бойкая девчонка что-то вещала хмурому старику, подписывающему какие-то бумаги.

Озираясь, Костя двинулся к стойке администратора, которая тоже была оформлена как низенький стеллаж и вмещала в себя сотню-другую образцов.

Мужчина за стойкой поднял глаза на посетителя.

– Я... мне... в отдел... особых проектов... – проблеял прозаик и сглотнул, протягивая паспорт. – Меня зовут Казимир Козлов.

Костю каждый раз охватывала неловкость, когда требовалось назвать настоящее, а не выдуманное имя. Хотя выдуманное нравилось ему настолько, что скорее ощущалось настоящим. «Казимиром Козловым» он был в паспорте и в свидетельстве о рождении, а это всего лишь бумажки, которые «предъявляешь», вот как сейчас, для галочки. Или в ужасном случае, когда нужно вспомнить забытый пароль от «Госуслуг». То ли дело «Константин Крылов»! Это имя стоит на титульном листе его книги. Это псевдоним, над которым он ломал себе голову еще в школе, пока его одноклассник, Митя Архангельский, выцарапывал на парте сокровенное «КАЗЯ КОЗЕЛ» и глупо хихикал. Митю потом, кстати, отчитали, и мать Кости прочла сыну долгую лекцию о том, что «Козлов» – древняя фамилия с богатой историей, и вовсе не

от козлов она произошла, а от слова «кбзлы», и что прадед был извозчиком у Романовых (но, судя по всему, мать все это тоже придумала).

Однако, пока прозаик переживал все самые постыдные моменты отрочества, рассматривая притворяющийся мрамором пол, охранник, не обращая никакого внимания на заалевшие щеки посетителя, снял трубку стационарного телефона и набрал номер.

– София, – сказал он. – К Петропавловскому пришли. Встретишь?

Ему что-то ответили, и мужчина положил трубку.

– Ожидайте, за вами сейчас спустятся. – Он кивнул на свободное кресло.

«За мной сейчас спустятся, за мной сейчас спустятся», – мысленно танцевал Костя.

Его охватило тревожное волнение, смешанное с любопытством. Причем любопытства в этом коктейле явно было больше.

«Ну вот, ощущаю себя почти звездой», – подумал писатель и рухнул в кресло, оказавшись прямо напротив гигантской обложки со смазливym пареньком.

«*Это ненадолго*» – гласила надпись на ней.

– Надеюсь, что нет, – обиженно пробормотал Костя и достал из рюкзака потрепанный, перетянутый резинкой скетчбук и заточенный карандаш.

На первой страничке была размещена выдавшая виды наклейка со звездным небом и логотипом «ЛНН» – «Лагеря новых надежд» – спонсируемого государством слета юных талантов (можете заполнить анкету, если вам нет сорока лет), и рядом с ней обозначались главные жизненные цели прозаика, призванные мотивировать (но на деле наоборот). Звучали они следующим образом:

1. написать роман

2. переписать роман

3. подписать контракт с издательством (отправил рукопись)

4. выбрать и купить новую настольную лампу

Скетчбук Костя всегда носил с собой, и у этого предмета было предназначение: отрывочные заметки и зарисовки. На первый взгляд, каракули, дополненные кривыми иллюстрациями, казались делом бессмысленным, но в дальнейшем именно они становились источниками идей для персонажей, отдельных сцен и даже целых сюжетных завязок.

Вот и сейчас Костя штриховал схему издательства, склонившись над белой бумагой и слушая, какие идеи ему может преподнести мир на этот раз. Мимо проходили люди, выныривая от турникетов ко входу и наоборот. Ухо прозаика ловило обрывки их разговоров:

– ...опять картон подорожал, что теперь...

– ...встретила его у метро, такой красивый...

– ...они все там сволочи, увели проект и считают...

– ...опять не хотят отдавать аудиоправа...

– ...нет, ты понимаешь, номинировали опять какую-то ерунду, а мой Петя Пингинов снова остался в полете!

«Как и я. Вечно в полете...» – подумалось Косте.

– ...в этом мире странная система порталов...

– ...говорят, у нас в подвале, под парковкой, держат титанов, ты прикинь!

– В смысле, титан – как в поезде?

– Да нет же, нет! Как в Греции! До начала времен...

– ...а главный герой тут говорит...

– День добрый! – раздался голос прямо над Костиным ухом, отчего он подпрыгнул и чуть не выронил карандаш.

Над ним склонилась девушка в круглых очках в деревянной оправе. Светлые почти до белизны волосы собраны в небрежный пучок, в ушах – длинные темно-красные китайские сережки-кисточки. Из-под вязаной кофты выглядывает воротник идеально белой выглаженной рубашки с бантиком вместо верхней пуговицы.

– Меня зовут Соня, это я вам звонила. Я ассистент отдела особых проектов, приятно познакомиться!

Она протянула руку, и Костя неловко пожал ее.

– Что рисуете? – Курносый нос навис над скетчбуком, который писатель резко закрыл.

– Да так... ерунду... – смутился Костя, засовывая блокнот в рюкзак.

– Там есть слон, проглотивший удава? – Соня наклонила голову.

– Увы, там только правдивые истории, – улыбнулся прозаик в ответ. – И ящик с козлом... то есть барашком.

– Отлично. – Ассистентка удовлетворенно кивнула, как будто он прошел первое испытание. – Следуйте за мной, я отведу вас к Виктору Васильевичу.

Соня подошла к турникету, вытащила из кармана юбки пропуск и приложила к красному огоньку.

– Прошу.

Турникет, похожий на гигантского трехлапного паучка, провернулся, и Костя оказался в просторном коридоре. Перед лифтами в конце коридора висел экран.

«„Безмерно высокие горы“ Сильвера Рокса на этой неделе побили рекорд продаж, – сообщал он, показывая картинку с книгой. – „Невероятно“. – Д. Добролюбов, литературный критик, автор колонки „Дневник Д“».

Слайд сменился.

«ЭГЕОН-квиз: к какому жанру относится „Преступление и наказание“ Достоевского? Выберите правильный вариант: а) детективный роман; б) повесть...»

Соня нажала на кнопку вызова лифта и повернулась к своему спутнику.

– Волнуетесь?

– Немного, – признался Костя, потупившись. – Заметно?

– Самую малость! Вам ведь сказали, что рукопись передали в особый отдел и что вы здесь не по тому поводу, о котором вы могли подумать в ложной надежде?

– Да, – отозвался Костя, ссутулив плечи.

– Но все будет хорошо! – заверила ассистентка.

Вспомнив про Достоевского, прозаик развернулся к экрану, но квиз уже погас. «„Лара и Лорнет“, – рекламировалось теперь там. – Лучший кибер-нео-детектив-ромэнтэзи-броманс. Номинирован на премию „Абзац“». Но не успел Костя осознать значение этого жанра, как короткий звонок оповестил о прибытии лифта.

Лифт поднимался недолго. Когда створки разъехались, за ними оказался длинный коридор с фиолетовым ковровым покрытием, который обрамляли... книги, книги, книги. У Кости, как от дурмана, закружилась голова. По обе стороны от коридора стояли шкафы с книгами, скрывая стеклянные коробки опенспейса, кое-где прерванные стенами. На столах возвышались горы книг и распечаток, загораживая сидящих там людей. Многие столы были отделены рядами стеллажей поменьше, тоже заставленных книгами, и лишь кое-где в этом царстве бумажной продукции вырастали фанерные фигуры героев, словно бы попытавшиеся воплотиться в реальность, но не сумевшие вырваться из плоскости.

Костя ссутулился сильнее, стараясь не вертеть головой, но жадно вбирая в себя увиденное: он хотел охватить все, запомнить, поглотить и излить потом на бумагу.

– Ужасно! – Им навстречу уверенной походкой шла молодая женщина с невероятно тонкой талией, аккуратно заколотыми нежными локонами и, по всей видимости, железным внутренним стержнем. – Просто ужасно. Он не раскрывается!

Она взмахнула книгой в мягкой обложке перед носом своего спутника, невысокого темноволосого мужчины.

- Что мы будем делать с князем, Рома? Это ужасно! – повторила она, ускоряя шаг.
- Продавать, – ответил ее спутник, ухмыльнувшись и поправив очки.
- Добрый день. – Соня кивнула им.
- Добрый, – отозвалась женщина, прижав к себе книгу.
- Витя у себя? – восторженно воскликнул мужчина.
- Угу, но пока занят.

Они пролетели мимо (Костя повернулся, глядя парочке вслед, и чуть не упал, споткнувшись), прошли коридор насквозь и остановились возле второго лифта.

– Теперь нам вниз. На этот этаж нельзя попасть через вестибюль, – пояснила Соня. – И это... – она понизила голос. – Виктор Васильевич... он хороший. Просто строгий иногда. Имейте в виду. Правда-правда хороший.

Лифт опустился и как будто завис, раздумывая, а стоит ли ему вообще открывать двери на этом этаже. Потом нехотя выпустил Соню и молодое светило российской прозы в длинный коридор. Костя невольно сглотнул, поняв, что шум и суета, которые обрушились на него с самого первого мгновения в издательстве, здесь сменились тишиной.

Весь этаж выглядел как пустынный книжный развал: книги словно стали кирпичами, формирующими пространство. Вдоль стен выстроились бастионы из томов разных форм и размеров, освещаемые тусклыми настенными лампами. Кое-где книжные стопки доходили до такой высоты, что загораживали лампы, а кое-где разноязыкие фолианты складывались друг на друга почти до потолка и, как вавилонские башни, грозили вот-вот рухнуть.

Соня и Костя прошли мимо уютного кресла, притаившегося среди горы твердых и мягких обложек, шагнули сквозь книжную полку в форме деревянной арки, тоже заполненной печатной продукцией, а затем ассистентка совершенно неожиданно свернула направо, к пугающе обычной двери из светлого дерева.

– Сюда!

Обернувшись в последний раз на красочные книжные батареи, писатель перешагнул порог и вздрогнул: в этом кабинете не было книг. Только стол, столик, стеллаж с папками и шкаф со сплошными закрытыми дверцами.

– Здравствуйте. Меня зовут Виктор Васильевич Петропавловский, я главный редактор отдела особых проектов, – раздался низкий голос, и Костя вздрогнул еще раз.

Главный редактор смотрел на вошедшего сквозь стекла очков в тонкой прямоугольной оправе. Костя задался вопросом, сколько ему лет: по этим строгим чертам лица практически невозможно предположить возраст, но в темных волосах, чуть прикрывающих сведенные брови, как будто бы отсутствовала седина. Больше всего прозаика поразили ширина плеч и рост Виктора Васильевича: невысокому и довольно тщедушному прозаику вмиг показалось, что если Петропавловский встанет, то превратится в массивную тень до потолка, нависшую над несчастным. Стараясь унять дрожь и вернуть образу Виктора Васильевича человечности, Костя решил оглядеться. Рядом со стеллажом висела пробковая доска с уймой заметок нечитаемым почерком, под ней стоял полумертвый фикус. Слева в углу на странного вида столике царственно возвышалась кофемашина, возглавляющая целый бастион кружек разной степени чистоты.

– Кофе и чай предлагать не буду, – отрезал главный редактор. – Перейдем сразу к делу.

Костя покорно опустил глаза и только сейчас понял, что перед Петропавловским лежит распечатка его рукописи. Прозаик нервно сглотнул.

– «Морфология преступления». – Прочтенное низким голосом главного редактора, это гениальное, по мнению Кости, название прозвучало как набат. – Когда вы закончили рукопись?

– Пару недель назад, – еле слышно проблеял Костя, не сводя глаз с распечатки.

– Название непродávющее. Не всякий дурак вспомнит слово «морфология». Это я вам не от себя говорю – меня оно бы заинтересовало.

– Ах... – Костя не нашелся что ответить, но перестал считать название гениальным.

– Меня тут отпугнуло другое. Знаете, сколько в вашем тексте многоточий?

– Ну...

– Две тысячи пятьсот восемьдесят семь. Я пробил поиском, – констатировал факт главный редактор.

– Ах... – повторил Костя.

– И вот зачем, скажите, кому-то смотреть ваш текст, если вам самому нечего сказать?

Костя замолчал и поник окончательно.

– А знаете, сколько в вашем романе скобочек? Три тысячи семьсот девяносто девять! И это только левых. Кажется, вы постарались половину романа вынести за скобки. Откуда такая неуверенность?

Костя стыдливо рассматривал носки своих кед. Заметил, что один из шнурков почти развязался.

– Но вот в чем загвоздка, – продолжил Виктор Васильевич и положил перед Костей фотографию. – Посмотрите, пожалуйста.

Костя дрожащими руками взял фото.

На фото седовласый мужчина полулежал, всем телом опираясь о стол, голова была повернута набок. Кончики губ приподнимались, будто бы он улыбался, глаза потускнели и смотрели в пустоту. От правого запястья тянулся кровавый след. На столе кровью было написано *stix interpretum*¹.

– Это нейросеть? – недоверчиво спросил Костя, сразу узнав открывающую сцену из своей книги.

– Нет, это Станислав Лисицын, писатель, более известный как Сильвер Рокс, – хмыкнул Виктор Васильевич и встал.

Костя поднял глаза и понял, что был прав: главред возвышался под два метра и заполнил своей чернотой все пространство. Петропавловский прошагал к кофемашине и нажал кнопку «Вкл.». Аппарат издал звук, подобный вою и скрежету, доносящемуся из глубин ада, где мучили самых отпетых грешников, и, чтобы хоть как-то вернуться в реальность, Костя вновь посмотрел на фото с места преступления. Как и ожидалось, это не помогло.

– Удивительно, правда? – сообщил главный редактор, и его голос странным образом не терялся за кофемашинным оркестром. Даже, наоборот, как будто солировал. – Повезло, что я вовремя изъясил рукопись.

– В смысле? – произнес Костя, не узнавая своего голоса.

До него постепенно начало доходить, и страх перед неизведанным, но радостным сменился страхом перед неизведанным, но ужасным.

Тем более что кофемашина наконец заткнулась.

– Есть узнавание? – Виктор Васильевич ловким движением вытащил кружку с готовым кофе и отпил из нее.

– Как будто бы да. – Костя наклонил голову и с надеждой всмотрелся в фото. – Но он же жив?

– Нет.

На минуту воцарилась тишина. Потом Костя истерически засмеялся. Петропавловский смотрел молча, скрестив руки на груди: видимо, не первый раз лицезрел истерику.

¹ Лат. «крест интерпретатора». Обозначает место, не поддающееся трактовке. – Здесь и далее, если не указано иное, – примечания автора.

– Я хочу тебе помочь, – сказал Виктор Васильевич, когда Костя то ли охрип, то ли потерял силы. – Если и ты поможешь мне.

– Что? – Прозаик резко выпрямился на стуле.

– У нас тут открыта вакансия стажера. Правда, не в моем – в соседнем отделе. Ну как соседнем – ты будешь на верхних этажах. Бесплатный кофе, ДМС и скидка на книги. График по документам пять через два, восемь с половиной часов ты работаешь штатным редактором, но по факту двадцать четыре на семь ты помогаешь мне раскрывать это дело.

– Но... почему я? Я же...

– Бездарь? – немного отрешенно и как бы между делом подсказал Виктор Васильевич. Костя шумно втянул в себя воздух да так и застыл с приоткрытым ртом, словно золотая рыбка, которую вытянули неводом из моря и выбросили на берег, лишив и воды, и возможности исполнить хотя бы одно желание.

– Ну, – продолжал главред. – Поставь себя на место следователя в детективе. Он же должен отработать все зацепки, верно? Так вот, твоя рукопись и есть такая зацепка. А ты вполне можешь стать одним из подозреваемых. Или же – выбрать роль детектива! Считай, что я предлагаю тебе убежище и защиту. Или предпочтешь пересказывать всю свою «Морфологию» следователю?

Повисла зловещая тишина.

– Виктор Васильевич, – раздраженно прервала тишину Соня. Костя вздрогнул: он успел начисто забыть не только о присутствии ассистентки, но и о ее существовании в мире. – Вы опять перегибаете.

– Что я перегибаю – палку, которую протянул утопающему? – фыркнул главред. – Допустим.

– Казимир, – необычайно серьезно начала Соня. Костю опять бросило в дрожь, но не от ее тона, а от звуков собственного настоящего имени. – Все в полном порядке, вы можете пойти домой и ждать звонка от полиции, дать показания, подтвердить свою невиновность...

– Или виновность! – хитро вставил Петропавловский.

– И вернуться к своей обычной жизни...

– Или получить возможность начать новую, поближе к тому, что вы так любите...

– **НО Я НЕ УБИВАЛ!** – взвизгнул Костя. – Это...

Он окончательно понял и соотнес детали и тут же закрыл рот.

– Мы верим и поможем, – терпеливо объяснила Соня. – Но и ваша помощь, Казимир, тоже будет нелишней. Подумайте до завтра и перезвоните, вот. – Она стащила у главреда со стола блок квадратных отрывных бумажек (на каждой красовалось блеклое фото Петропавловской крепости – видимо, сувенир из Петербурга) и написала там номер. – Светлана, отдел кадров. Она уже готовит вам оффер.

Она заглянула Косте в глаза и, увидев там полную неспособность принять решение, засунула бумажку в нагрудный карман его клетчатой рубашки. Потом посмотрела еще раз и со вздохом поправила ему воротник.

– Надеюсь на сотрудничество.

– Надеюсь, до новых, приятных встреч, – кивнул Виктор Васильевич, отпивая кофе.

* * *

Что вы будете делать, когда ткань вашей реальности, ваших нерушимых устоев, по которым вы жили и работали уже долгое время, внезапно разойдется, подчиняясь неведомой, невообразимой силе? Справитесь ли вы со странностью, поверите в нее или захотите отрицать всеми возможными способами?

Сотни лет математических формулировок, официально принятых светской и духовной властью, догмой, – «и все-таки она вертится».

А теперь представьте, каково было уважаемому редактору Льву Валерьяновичу Утомскому, когда он открыл компьютер и обнаружил, что у него не только автор канул в Лету, но и последний его текст исчез самым невероятным образом: стерся со всех носителей целиком и полностью.

От: Л. В. Утомского

Кому: А. Ткаченко

тема: рукопись С. Рокса ЧЕРТОВСКИ ЧЕРНЫЙ ЛЕС

Ари, привет! Лови нового Сильву на литредактуру:

[файл удален]

С уважением,

Лев Валерьянович Утомский,

шеф-редактор российской остросюжетной прозы

Издательство «Эгеон»

– Что за черт! – взревел Лев Валерьянович, редактор остросюжетной прозы и книг покойного Сильвера Рокса, буравя взглядом свое же письмо, отправленное месяц назад.

Он лихорадочно открывал все письма, все папки и все цифровые хранители, содержавшие последнюю рукопись Лисицына, последовательно обнаруживая, что больше они ее не содержат.

От: А. Ткаченко

Кому: Л. В. Утомскому

на: рукопись С. Рокса ЧЕРТОВСКИ ЧЕРНЫЙ ЛЕС

День добрый,

Название подходящее. Готово! Сможете спросить, что с предыдущим договором?

[файл удален]

Искренне Ваша,

А

Продолжая чертыхаться, Лев Валерьянович снял трубку и набрал номер техподдержки.

– Мне нужно восстановить файл. Нет, это срочно! Срочно!

– Что случилось? – сочувственно спросила Эльвира. Ее стол в офисе стоял рядом с местом Утомского, и его громкое соседство мешало бедняге читать текст. – Это та ужасная рукопись, в которую ты вносил тысячу правок?

– Да! Это ерунда какая-то все, – ревел Утомский. В своей боли он походил на раненого медведя. – Я согласовал со Славкой литредактуру и сдал текст на первую читку. На прошлой неделе он позвонил мне и попросил остановить этот процесс, так как он хочет внести последние правки.

– И они ужасны?

– Нет, он их так и не внес. Если без предисловий... Он просто взял и умер!

– Какой ужас! Это похоже на воплощенный кошмар. – Эльвира, всегда изъяснявшаяся книжными клише, сочувственно погладила шеф-реда по спине. – Крепись и выставляй доптиражи. Но что с последним текстом?

Утомский в десятый раз открыл папку «ЧЧЛ Сильва апрель».

[Нет файлов]

– Коллеги! – воззвал редактор. – Кто работал с рукописью «Леса»? Женя! Кто еще мог сохранить копию, кроме меня? Может быть, случайно? Посмотрите! У вас осталась хотя бы нефинальная версия?

* * *

Вечером того же дня Костя включил чайник, сел на подоконник и достал телефон.

Кот Параграф тут же вспрыгнул на батарею и, забравшись оттуда на колени хозяину, сложился в пушистый автомобильчик и замурчал, лениво щурясь и постукивая хвостом.

Прозаик открыл канал со смешными картинками и привычно залез в профиль Лизы: LiKaBooks&flowers.

Лиза была его одноклассницей. После выпуска из университета она унаследовала мамин цветочный магазин и вела блог о книгах про любовь, записывая разборы новинок на фоне полок с цветами. Судя по количеству подписчиков, лайков и рекламы на канале, блог приносил ей больше дохода, чем цветочный магазин.

На превью к последнему видео она улыбалась белоснежной улыбкой, держа в каждой руке по книге так, чтобы зритель видел обложки обеих.

«Гордый герцог или хмельной хоккеист: выбираем, что почитать на выходных!»

– гласил пост.

Костя уныло вздохнул и перешел к следующему посту.

– *Что было бы, если бы то, что написано в книгах, претворялось в жизнь?* – на видео Лиза идет по улице где-то в центре, размахивает правой рукой, а левой придерживает аккумуляторный микрофон. На обеих руках ее фирменные кружевные перчатки по локоть.

В кадр шагает высокий плечистый парень с букетом роз.

– *Девушка, можно с вами познакомиться?*

Лиза отмахивается от него и улыбается в камеру, произнося:

– *Да нет, ерунда какая-то! В моем случае воплощались бы только хорроры...*

Костя со вздохом отложил телефон. Задумчиво отпил чай и посмотрел, как в сером туманном сумраке улицы начинают загораться огни соседних пятиэтажек.

«Что бы я загадал, будь такая возможность? – подумал он. – Издать свою книгу. По-настоящему! Вот прямо взять и... издать. Чтобы в обложке и на полку. Чтобы самому нравилась и других радовала».

Прислонившись лбом к окну, представил: он, Костя, в своей клетчатой рубашке, в свете софитов. Держит книжку и улыбается. И люди в комнате тоже держат его книжку, улыбаются и говорят, как им понравилось. Искренняя радость.

Читают. Чувствуют радость, восторг, страх, заинтересованность – от того, что он, Костя, написал.

Его, Кости, чувства и история оказываются растянуты на тысячу незнакомых людей. Его, Кости, радость оказывается помноженной многократно.

Прозаик зажмурился, потер глаза. Достал телефон, открыл список последних вызовов и нажал строчку «Матушка». Пока шли гудки, закрыл глаза и попытался еще раз вспомнить сегодняшний сюжет.

– Как объяснить маме все произошедшее, если я сам его не до конца понимаю? – обратился прозаик к коту. – Типа... «Привет, мам! Ко мне в гости пришла Лиза. Мам, помнишь Лизу? Да-да, эта пигалица. Влюбленная в известного литературного критика, которого пригла-

сили провести у нас лекцию по академическому письму. Да. Не называй ее так. И мне позвонили из издательства... Но не чтобы издать... Нет, там взяли не рукопись, взяли меня... То есть, я должен ответить, но пока не ответил...» Ох.

Он почесал кота за ушком. Гудки прекратились, в трубке раздалось суетливое: «Алло, сыночка?»

– Привет, мам, – сказал Костя в трубку. – У меня все стабильно, спокойно. Все хорошо. Да, я сегодня кушал... И кот тоже... кушал. Нет, не болею. Хрипотца? Тебе кажется. Да не, ничего не изменилось.

Два дня назад

Следователь Дмитрий Борисов, хмурясь, стоял в своем кабинете и, задумчиво оглаживая короткую бородку, разглядывал распечатки, заполонившие всю поверхность стола. На вешалке позади него висел китель полицейского мундира и кепка-четырёхклинка, которую он частенько надевал вместо форменной.

В дверь раздался стук.

– Входите, – разрешил следователь и пробубнил под нос: – Черт бы побрал этих издательских леших. Никак не соберешь со всех показания, пока все явятся – труп уже успеет остыть, и воскреснуть, и снова остыть...

– Виктор Васильевич Петропавловский. Главный редактор отдела особых проектов издательства «Эгеон», – представился вошедший и сел на стул напротив стола следователя, закинув ногу на ногу. – Кстати, если вам нужны показания кого-то из издательства, я могу похлопотать, чтобы вас пустили к нам и вы за один день опросили сразу всех свидетелей. Как говорится, не зарастет народная толпа... Вам даже переговоры выделят. Да-да, обращайтесь.

Дмитрий поднял глаза на вошедшего: темные волосы, интеллигентная, но запоминающаяся внешность, бездна самоуверенности, черта с два определишь возраст и черта с два прочитаешь мысли.

– Чудесно. Но расскажите-ка сперва, что вы делали тринадцатого марта в десять часов вечера...

– Тринадцатого марта в десять часов вечера, – подхватил главред, не дожидаясь конца вопроса, – я и мой друг, верстальщик Андрей Гусинский, сидели на двенадцатом этаже издательского дома «Эгеон», пили десятую чашку кофе за день и обсуждали правки к обложке книги. Там требовалось «небесно-голубой» заменить на «пастельно-голубой со снежным оттенком». Такую ерунду лучше смотреть сразу с монитора художника – у них цветопередача лучше, чем на моем ноутбуке. Кстати, у вас тут кофе не найдется? – Он внимательно огляделся, рассматривая каждую деталь кабинета. – Кажется, разговор будет долгим...

Дмитрий поджал губы, почему-то смущенно надеясь, что посетитель не заметил аниме-фигурку с адвокатом из игры «Первоклассный адвокат», которая выглядывала между папок с делами.

– Давайте без кофе, – отрезал следователь. – Вы знали, что в конференц-зале издательства в это время заканчивалась встреча с известным автором?

– Знал, но не соотносил. Я видел информацию о ней, но не помнил, когда именно она проходит. – Петропавловский сменил ногу, перекинув правую поверх левой, и придвинулся к следователю. – Скорее всего, вы получили заключение судмедэксперта о мгновенной остановке сердца, и вас это сильно смутило. Что-то не вяжется. Я прав?

– Я не могу вам ответить и попрошу... – начал Дмитрий Борисович.

– Издателем Сильвы был Лев Валерьянович Утомский. На мероприятие мог зайти любой сотрудник издательства. Сцена преступления описана на страницах неизданной книги, причем это не книга самого Сильвера Рокса. Поверьте – я их все читал.

Дмитрий вытянул лист с показаниями Утомского: все совпадало.

– Сцена этого убийства взята из совершенно другой книги.

Следователь поднял бровь.

– У меня перед вами на допросе сидел ваш Роман из отдела маркетинга и пытался продать серию книг про попаданцев, и клянусь вам, если и вы попытаетесь заставить меня читать...

– Я совершенно не к этому. Но согласитесь: чтобы в точности повторить сцену убийства, ее сперва надо прочесть, не так ли?

– Продолжайте.

Глава 2

Договор

– Вы шутите! – воскликнул Костя, сидя на следующий день в отделе кадров.

– Послушайте, это средняя зарплата по издательству. Зато она вся белая и у нас крайне прозрачный карьерный рост... – спокойно отозвалась кадровичка Светлана.

Даже несмотря на остроту носа, который она любила совать в чужие дела, Светлана представляла собой идеал дружелюбия и понимания. Она знала, что, кого бы ни нанимали и при каких бы условиях ни пришлось потом увольнять кандидата, главное – держать улыбку. Она уже прошла огонь, воду и медные трубы. Она расторгала договоры с магами, экстрасенсами, редакторами военной прозы и даже заключала дополнительные соглашения в связи с переездом сотрудника во Вьетнам. Она могла задавать на собеседовании тысячи вопросов по теме и без темы, но саму ее в жизни интересовали всего три пункта: когда в этом месяце зарплата, почему ее любимые духи не по скидке и какие книги можно выпросить бесплатно, чтобы не покупать матери подарок на 8 Марта и день рождения.

– Да я не про это. – Прозаик отмахнулся, тыча ручкой в другое место договора. – «Отдел сентиментальной литературы»?

– Ну да. Аллочка ушла в декрет, должность освободилась, но, спасибо господину Петропавловскому, ненадолго... Подписывать будете?

Костя в ступоре уставился на документ.

«Сентиментальная? Где я и где – сентиментальная литература! Хотя постойте-ка...»

– Доброе утро, Светик, – раздался знакомый низкий голос.

– Виктор Васильевич! – Кадровичка встрепенулась и заерзала, точно птичка, поправляющая перья.

– Сможете побыстрее разобраться с оформлением? Он мне нужен!

– Ну разумеется!

Еще десять минут бумажной волокиты, ожидание лифта на подземную парковку, и Костя уже выходил из издательства вслед за Петропавловским, еще не успев получить туда пропуск.

Вернее, выезжал. На стареньком черном «москвиче», у которого между круглых фар была присобачена довольно заметная виниловая наклейка «18+», а из аудиосистемы играл классический рок.

– Пристегнись. То, что тебе твоя жизнь не дорога, не должно прилететь мне штрафом на Госуслугах, – меланхолично заметил Петропавловский.

– Знаете, – раздраженно произнес Костя, щелкнув замком ремня безопасности. – Раз я теперь у вас работаю, я попросил бы относиться ко мне с...

– Формально твой начальник Алиса Ибрагимовна, – отметил Петропавловский. – Я вас познакомлю, как только разберемся с вызовом. Звонила жена умершего писателя, говорила, он к ней стал приходить.

Главред затормозил перед съездом, включил поворотник и пощелкал музыку в плейлисте до саундтрека из «Охотников за привидениями».

Пока Костя зачарованно смотрел на мигающий в ритм огонек поворотника, до него наконец дошел смысл сказанного Петропавловским.

– В смысле – приходить?

– Наконец-то вопросы по делу. – Главред крутанул руль, сверяясь с зеркалом заднего вида. – Похорон еще не было, но в любом случае бояться нужно живых, а не мертвых. – Петропавловский легким жестом переключил передачу. – В бардачке лежит книга, ознакомься, пожалуйста.

Костя послушно вытащил из бардачка увесистый фолиант. «Сильвер Рокс. Невообразимо высокие горы», – гласила обложка. Костя провел рукой по тиснению и открыл на последней странице.

Оттуда с черно-белой фотографии улыбался автор – мужчина средних лет, судя по всему, седой. Нос крючком, белозубая улыбка, козлиная бородка, большие глаза. Аккуратная шляпа, интеллигентный воротник.

– Что за глупый псевдоним...

– Рассказывай тут басни, – хмыкнул Петропавловский. – По паспорту он Славка Лисицын. Ну, читателям, главное, нравилось. Тридцать тысяч тиража! И у тебя в руках второе переиздание.

– Я у него другую книгу читал, – смутно вспомнил Костя. – Что-то не про горы... про море...

– «Безумно глубокое море». – Главред кивнул. – Очень долго бились над этим названием. Необходимо было по серии назвать той же конструкцией, но никак не могли придумать прилагательное. Автор тогда психанул и стал предлагать только матерные варианты. Его редактор лично ездил к нему успокаивать.

– Лично?

– Ну да, тут ведь как: либо у тебя хватает денег на мозгоправа, либо ты находишь себе редактора. А редактор – он всегда немножко психолог.

Костя еще раз взглянул на Славу Лисицына. «Такой улыбчивый», – подумалось ему. Он перевернул страницу и пробежался по тексту.

В этот момент «москвич» внезапно подрезал юркий «китаец», едва не врезавшись в бампер шедевра российского автопрома. Водитель опустил стекло и отпустил пару ласковых трехэтажных слов в адрес машинного завода имени Ленинского комсомола.

– И вашему ронину хорошего дня и удачного хакакири, – отозвался Петропавловский, не удосужившись выглянуть в окно. Затем крутанул руль и спокойно обогнал «ронина».

– Вы... даже не сматерились... – удивленно выдохнул Костя.

– Ты наклейку на капоте видел? – ехидно спросил Петропавловский, поглядывая в зеркало заднего вида.

– «Восемнадцать плюс»?

– Ага. А надпись «содержит нецензурную брань» на ней заметил?

– Нет...

– То-то и оно. А без такой пометки нецензурная брань в книге запрещена. Запоминай, это тебе пригодится, когда проверять обложки будешь.

Костя восхищенно захлопал глазами. Его вновь захватило любопытство, и он гадал, как продолжить разговор, но безумно стеснялся.

Взгляд стажера упал на левую руку главного редактора: там поблескивали темно-серебристой оправой часы с огромным темным циферблатом. Когда Петропавловский крутанул руль, темный экран зажегся, и на нем отобразилась миниатюрная карта Солнечной системы.

– Ваши часы не показывают время? – удивился Костя. – Или это заставка...

– Зачем мне знать время? – хмыкнул Виктор Васильевич. – Есть вещи поважнее. А время – пусть и важный, но довольно относительный ресурс. Это я тебе как проектник отвечаю.

Костя пожевал нижнюю губу, обдумывая услышанное и не сводя глаз со странного циферблата. На картинке, между Сатурном и Юпитером, сияла маленькая красная звездочка. Оттолкнувшись от колец Сатурна, она плавно переместилась к Венере.

– А... чем вообще еще занимается редактор?

– Зависит от издательства и от отдела, но в принципе... если вкратце... всем.

– Всем? – переспросил Костя, глядя на главреда во все глаза.

– Да, от выбора рукописи до контроля сдачи текста в печать. – Виктор Васильевич не сводил взгляда с дороги. – А еще подбором референсов, придумыванием странного контента, написанием продающих текстов... – Он включил поворотник и крутанул руль, оглядывая перекресток. – Ну и кто-то вроде меня иногда с полицией активно сотрудничает. Но это уже специфика моего отдела. Почти приехали, кстати.

* * *

– А еще сегодня мне позвонили из антикварной лавки. – Высокая темнوبرовая женщина взмахнула ресницами и сильнее укуталась в бордовый палантин. – Пытались угрожать.

Она облокотилась на кухонную тумбу, закрыв спиной часть панели с изображением гор, раскинувшихся между верхними шкафчиками и столешницей. Серьги с крупными бусинами явно из драгоценного камня и тонкий нос с горбинкой почему-то наводили Костю на мысль о том, что угрозы не подействовали.

Помимо вдовы и Кости на кухне расположились еще двое: следователь Дмитрий Борисов и главред Петропавловский. Последний осматривал комнату с наивно-скучающим видом.

– И что хотели? – Следователь достал планшет.

– Книги. – Женщина пожала плечами. – Якобы Слава не вернул им какую-то драгоценную книгу в черном переплете. Но я ничего не знаю. У Славы полно «драгоценных» книг. Они у него все особенные и бесценные! В отличие от людей.

– Что вы ответили?

– Учтиво предложила им прийти осмотреть библиотеку. Они бросили трубку.

Костя, стоявший чуть поодаль и не выпускавший из руки лямку рюкзака, еще раз окинул взглядом просторную кухню со стильным гарнитуром.

– Бэла Леонидовна, – подал голос Петропавловский, глядя не на вдову, а на портрет Вирджинии Вульф, украшавший стену в коридоре; под портретом на стене виднелась царапина. – А нам вы позволите осмотреть библиотеку? Может быть, я и правда найду эту загадочную книгу.

– Пожалуйста. – Жена покойного писателя кивнула. – Вторая дверь налево по коридору.

– Вы «найдете»? – Следователь поморщился. – Я бы *вас* попросил...

– Вы попросили меня оценить библиотеку. – Главред пожал плечами, выходя в коридор. – Я намереваюсь это сделать. Не волнуйтесь, я не буду кричать «Протестую!» или мешать следствию – у нас с вами одна цель.

Следователь застыл на секунду, потом, покачав головой, пошел в ту же сторону.

Костя с любопытством и почти на цыпочках нырнул за ними в широкий коридор с несколькими дверьми (в этих хорах явно можно заблудиться) и перешагнул порог довольно

тесной прямоугольной комнаты (зато какой аристократический стиль!). Тесной – потому что вся она была заставлена стеллажами из темного дерева, съедающими пространство. Вся, кроме стены напротив входа: там у окна располагался стол с узорными ножками, головами льва и тремя ящиками. За столом имелся стул из такого же темного дерева, а рядом со столом размещалось широкое барочное кресло, выглядевшее самым роскошным предметом мебели. У кресла возвышалась подставка для ног в тон обивке. Над креслом в такой же безвкусной, но очень подходящей по стилю раме располагался натюрморт с совершенно стеклянным на вид виноградом и зелеными недозрелыми яблоками.

Костя стянул с плеча рюкзак, выудил блокнот и, оглядевшись, принялся зарисовывать интерьер. Следователь Дмитрий же, заметив кресло и прикинув его мягкое удобство, прищелкнул языком и, словно ребенок, поспешил устроиться, продавив спиной широкую спинку и отодвинув подушку с кисточками. На секунду уложил руки на подлокотники, ноги – на подставку, но потом с тяжким вздохом достал планшет.

Петропавловский встал рядом и огляделся. Прищурился, разглядывая картину.

– Позвольте?

И, не дожидаясь ответа, потянул на себя раму, едва не задев голову следователя; рама открылась, оказавшись дверцей, за которой нашлась ниша в стене.

Всю нишу занимал небольшой железный сейф с кодовым замком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.